

и истину царям с улыбкой говорил

*Лето савла просвитае шумливая сатира,
Лето выражается правдивым языком,
И русской гуманности не может быть гласом!..
Он брат отечества, он человек разума!
И рети смелится дохнуть на суровота.*

*А. П. У. М. К. У. К.
„К. Жуковский“.*

Перечитывать классиков как-то не принято. Мы же их в школе проходили. Об этом не каждый скажет вслух. Но думают так многие. И в самых дальних уголках книжных шкафов мирно пылятся книги Лермонтова, Пушкина, Гоголя. Пылятся до тех пор, пока подросшие дети не извлекут их оттуда, чтобы в свою очередь написать скучное сочинение об Онегине или «вольнлюбивых мотивах».

А ведь когда-то вокруг этих книг кипели страсти, их переписывали от руки, за них люди уходили в ссылку. Когда-то... Но может быть сейчас все это, действительно, устарело и представляет интерес только с точки зрения изучения грамматики?

Попробуйте перечитать классиков, отбросив привычку школьного восприятия. И вы убедитесь, что они выражали самые передовые идеи своего времени.

Я хочу поделиться некоторыми своими впечатлениями от сатирических произведений Пушкина. Я говорю «некоторыми», потому что тема «Пушкин-сатирик» может быть предметом объемистой книги, а я пишу лишь маленькую журнальную статью.

О человеке, в том числе и о писателе, многое могут сказать его любимые книги, книги, которые прошли с ним, как друзья, через всю жизнь.

Есть у Пушкина незаконченная поэма «Бова», которую он писал пятнадцатилетним лицеистом. В этой поэме — такие строки:

О Вольтер! о муж единственный!

Ты, которого во Франции
Почитали богом неким,
В Риме дьяволом, антихристом,
Обезьяною в Саксонии!
Ты, который на Радищева
Кинул было взор с улыбкою,
Будь теперь моею музою!

В стихотворении «Городок», написанном год спустя, в 1815 году, где Пушкин рассказывает, в частности, о своей библиотеке, на первом месте опять стоит Вольтер:

Сын Мома и Минервы,
Фернейский злой крикун.
Поэт в поэтах первый.
Ты здесь, седой шалун!
Он Фебом был воспитан,
Из детства стал пиит:
Всех больше перечитан.
Всех менее томит.

Вот какую музу звал к себе юный Пушкин, вот кого читал он и перечитывал и считал первейшим из поэтов! Великого сатирика, едкого ниспровергателя святынь — Вольтера.

И муза сатиры пришла к нему. На страницах десятитомного собрания сочинений поэта можно найти буквально сотни эпиграмм, целые сатирические поэмы, да и в произведениях, казалось бы, далеких от юмора, то там, то здесь наткнешься на острую строку, озорную или гневную.

Сначала объектом его сатиры были лицейские губернеры, преподаватели, некоторые однокашники. Эти

эпиграммы были злы, остроумны, но содержание их оставалось привязанным к узкому кругу лицейских тем. И были они сродни современным студенческим «капустникам», когда посвященные покаываются со смеху, а посторонний человек без объяснений не уловит юмора.

Но вот «Тень Фонвизина», написанная в 1815 году. Это уже не студенческие шуточки. Это злующая сатира на все дворянское общество. Пушкин применяет здесь сказочный прием, но содержание вкладывает отнюдь не сказочное. Умерший Денис Фонвизин возвращается с того света на землю.

Мертвец в России очутился.
Он ищет новости какой,
Но свет ни в чем не пременился.
Все идет той же чередой;
Все так же люди лицемерят.
Все те же песенки поют.
Клеветникам как прежде верят.
Как прежде все дела текут;
В окошки миллионы скачут,
Казну все крадут у царя.
Иным житье, другие плачут.
И мучат смертных лекаря.
Спокойно спят архиереи,
Вельможи, знатные злодеи.
Смеясь в бокалы льют вино.
Невинных жалобе не внемлют.
Играют ночь, в сенате дремлют,
Склонясь на красное сукно;
Все столько ж трусов и нахалов,
Рублевых столько же Киприд,
И столько ж глупых генералов,
И столько ж старых волокит.

Уже в этих стихах шестнадцатилетнего юноши чувствуется рука великого поэта, великого не только своим талантом, но и мужеством. Правда, царь здесь выступает личностью в какой-то степени страдающей. Ведь казну Крадут все-таки у него. Но пройдет время, и царь тоже встанет в ряд пушкинских сатирических героев. В оде «Вольность» поэт прямо заявит, что хочет «на тронах поразить порок», и получит от царя первую правительственную награду — ссылку.

Общеизвестно, как тяготился Пушкин государственной службой.

Это естественно. Ведь для чиновника и для придворного нужны особые качества, которыми поэт не обладал. Нужен льстивый язык и гибкий позвоночник, нужно умение прятать в карман собственное мнение и в зависимости от обстоятельств называть белое черным, а желтое красным.

Очень рано понял это воспитанник лицея — питомника будущих государственных деятелей и генералов. В стихотворении «Товарищам», написанном в 1817 году, незадолго до окончания учебы, Пушкин с прописи пишет о карьеристских устремлениях некоторых лицеистов, о тех, кто «под кивер спрятав ум», «красиво мерзнет на параде» и о тех, кто «У плута знатного в прихожей покорным плутом зрит себя». В этом же стихотворении поэт объявляет о своем глубочайшем равнодушии к чинам и должностям:

Не рвусь я грудью в капитаны
И не ползу в ассессора.

И он, действительно, не рвался и не полз. И это вызывало ненависть рвущихся и ползущих.

Немало крови испортили поэту добропорядочные чинуши, полагавшие, что творят великое благо для отчизны, изводя в канцеляриях горы бумаги на переписку, которую никто не читал, и исправно получая высокое жалованье. И Пушкин ответил одному из них а в его лице всем:

Как брат, тебе не надоела?
Расчет короток мой с тобой:
Ну так! я празден, я без дела,
А ты бездельник деловой.

В примечаниях к множеству произведений Пушкина значится: «при жизни автора не публиковалось». Причин тому много. Прежде всего, поэт был щедр на стихи, он не дрожал над каждой строчкой, берегая ее для печати, у него этих строчек было много. Он писал

стихотворные письма, писал в альбомы, писал просто для развлечения друзей, не думая о том, что когда-то все эти случайные строчки будут кропотливо собирать, печатать, комментировать.

Но были и другие произведения, не публиковавшиеся при жизни Пушкина, произведения, адресованные не двум-трем друзьям, а читателям России. Они тоже своевременно доходили до адресата, но не при помощи печатного станка, а в десятках рукописных списков. Что же мешало этим великолепным произведениям превратиться в ровные строки набора журнала или книги? На их пути стоял бдительный, многоопытный, видящий все на сто метров под землей российский цензор. Немало произведений, которыми гордится сегодня русская литература, вышли из-под его карандаша изувеченными или вовсе запрещенными! У цензоров словно было прекрасное чутье на великие произведения. Безликие и серые поделки получали подпись в печать без затруднений; великие произведения в самом благоприятном случае подвергались таким пыткам красным карандашом, что автор и сам порой не знал, стоит ли печатать калеку.

Пушкин имел к цензуре огромный счет. И уже в 1822 году он написал «Послание к цензору». Начинается послание почти смиренно, но это смирение исполнено глубочайшей иронии:

Угрюмый сторож муз, гонитель
 давний
мой,
Сегодня рассуждать задумал я с
тобой.
Не бойся: не хочу, прельщенный
 мыслью
ложной,
Цензуру поносить хулой
неосторожной;
Что нужно Лондону, то рано для
Москвы.

У нас писатели, я знаю, каковы;
Их мыслей не теснит цензурная
 расправа,
И чистая душа перед тобою права.

Но притворное смирение очень скоро уступает место неприкрытому гневу и сарказму. Пушкин понимал, что с цензорами надо говорить прямо, иначе, чего доброго, примут сатиру за оду. А может быть, просто прорвалось наиболее болезненное, когда уже не до изящных аллегорий.

А ты, глупец и трус, что делаешь
ты
 с
нами?
Где должно б умствовать, ты
 хлопаешь
глазами;
Не понимая нас, мараешь и
дерешь;
Ты черным белое по прихоти
зовешь;
Сатиру пасквилем, поэзию
развратом,
Глас правды мятежом...
И немного ниже:
О варвар! кто из нас, владельцев
 русской
лиры.
Не проклинал твоей губительной
секиры?
Докучным евнухом ты бродишь
 между
муз...

Какая огромная обобщающая сила в этом сатирическом образе: жирный подозрительный евнух между прекрасных резвых муз! Одна эта строка убивает царскую цензуру насмерть. Если, конечно, счесть за истину тезис, что смех убивает.

Впрочем, цензура продолжала жить-поживать и благоденствовать, а

Пушкина ждали новые и новые гонения. Даже за стихи, которые он и не предназначал для печати.

В 1821 году Пушкин написал «Гаврииаду», где пародировал библейские легенды о девице Марии, Адаме и Еве. Тут он прямо продолжил традицию великого Вольтера, перед которым преклонялся с юности. Вольтер тоже очень вольно обращался с кумирами и, низводя их на грешную землю, представлял в смешном и нелепом виде.

В поэме Пушкина царь небесный — типичный старый волокита, влюбившийся в красивую женщину. Он достаточно влиятелен, чтобы не самому устраивать свои любовные дела, а отрядить для этого специального сводника архангела Гавриила. Но и архангел оказался не каменным, к тому же Мария благоволила больше к молодому Гавриилу, чем к почтенному, но в преклонных летах богу. Да еще сатана всех опередил. Так что, когда святой дух в облике голубка явился на свидание, он был уже третьим.

Для того, чтобы передать великолепный юмор этой поэмы, я приведу только один эпизод. Архангел является к Марии и застаёт у неё беса. Сначала они препираются, как два парня, повздорившие из-за девчонки, а потом кидаются в драку. Как и положено бесу, он первым

Наморщив лоб, скосясь, кусая губы.

Архангела ударил прямо в зубы.
Раздался крик, шатнулся Гавриил
И левое колено преклонил;
Но вдруг восстал, исполнен новым

жаром,

И сатану нечаянным ударом
Хватил в висок. Бес ахнул,

побледнел—

И ворвались в объятия друг другу.
Ни Гавриил, ни бес не одолел:
Сплетенные кружась идут по
лугу...

Если вспомнить, что персонажи — такие могущественные личности, как Сатана и Архангел, то сцена земной драки приобретает исключительно комический характер. Кстати, архангел победил в этой стычке, использовав прием мелкого хулигана и труса.

Поэма «Гаврииада» распространялась по России в рукописных копиях. И, конечно же одна из копий неизбежно попала в руки властей. Против Пушкина было возбуждено политическое дело. Ведь поэма разрушала идеологические основы империи — веру в святые легенды. Кто же станет поклоняться богу, который летает на свидания, да еще к тому же богу-рогоносцу, обманутому всеми: и Марией, и сатаной, и даже приближенным Гавриилом.

До сих пор я как-то больше писал о содержании сатирических произведений Пушкина, мало касаясь того, как они сделаны. Впрочем, приведенные в статье цитаты в этом смысле говорят сами за себя. И все-таки хочется обратить внимание на то, как удивительно емки приемы, при помощи которых Пушкин создает комический эффект. Строчка, несколько слов — и перед читателем целая картина. Вспомните цензуру в облике евнуха.

А вот совсем раннее лицейское произведение «Монах», написанное в 1813 году. Жил святой монах, скрывался от соблазнов в глуши лесов, усердно молился.

Имел кота, имел псалтирь и четки,
Клобук, стихарь да штоф зеленой
водки.

Все идет совершенно серьезно в вдруг — штоф водки. И становится ясно, что пустынный был довольно веселый и не так уж чужд соблазнов.

Подобные неожиданные повороты, создающие юмористический эффект, встречаются в очень многих произведениях Пушкина.

Поэма «Руслан и Людмила». Похищенная Людмила бродит по владениям

Черномора. Вдруг перед нею шатер, в котором сервирован великолепный обед, откуда-то звучит приятная музыка. Но безутешная Людмила мрачно размышляет о том, что без любимого Руслана не стоит жить. Она думает о том, что не станет есть, не станет слушать музыку и сумеет достойно умереть. Но, когда внутренний монолог Людмилы достигает наибольшего драматизма, его внезапно обрывает авторская ремарка:

Подумала - и стала кушать.

Я листаю страницы пушкинских книг и почти на каждом шагу попадаются строчки, которые хочется цитировать. Это из дневника за 1834 год. Пушкин описывает одно литературное совещание: «Нас было человек со сто, большею частью неизвестных мне русских великих людей». Ну, что еще можно добавить к характеристике участников этого совещания!

А это из «Евгения Онегина». На именины Татьяны Лариной съезжаются гости:

Гвоздин, хозяин превосходный.
Владелец нищих мужиков.

Несколько слов хочется сказать о произведениях Пушкина, в которых целомудренные издатели отдельные слова и даже целые строфы заменяют точками. Как правило, эти произведения тоже из разряда сатирических. Что же заставило поэта, в чьем творческом арсенале были десятки тысяч слов, пользоваться, и не так уж редко, далеко не светскими выражениями. На этот вопрос ответил и сам Пушкин. В некоторых списках его поэма «Царь Никита и сорок его дочерей» заканчивается так:

Многие меня поносят
И теперь, пожалуй, спросят,
Глупо так зачем шучу?
Что за дело им? Хочу.

В общем-то, это достаточно ис-

черпывающее объяснение. Пушкин не был постником, ханжой и монахом. Его друзья, судя по всему, тоже не отличались особым благонравием. И, естественно, соленое словцо да еще в остроумных стихах доставляло им большое удовольствие.

Мы привыкли смотреть на классиков как на явление бесплотное. А ведь они были люди. Они пили вино, крепко шутили, ругались. Особенно когда был хороший повод. А поводов чиновная действительность предоставляла более чем достаточно.

В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь;
Почему ж он заседает?
Потому что есть чем сесть.

Это смягченный вариант эпиграммы на вице-президента Академии наук. А был вариант более энергичный.

От сознания, что в Академии заседают «дундуки», что судьбы литературы оказываются в руках глупых и трусливых цензоров, охватывало чувство безысходной тоски перед стеной самодовольных чинуш и вельмож, тогда возникало желание отложить в сторону тонкую рапиру изящной словесности и, подняв булыжник площадного слова, шарахнуть изо всей силы по сверкающему фасаду общества. Чтобы брызнули осколки во все стороны, чтобы закудахтали перепуганные благомыслящие и верноподданные и тревожно засвистали городовые.

Было ясно, что одним булыжником и даже множеством булыжников не разрушишь ненавистного великолепия. И завтра прилежные стекольщики наладят все так, что и не увидишь куда бил, и благомыслящие будут с удовлетворением смотреть, как, заломив руки, поведут тебя городовые в участок.

Но все-таки тянулась непослушная рука к булыжнику. Видно, так уж устроена душа настоящего поэта, неподвластна она житейскому

благоразумию.

Когда я читаю, так называемые, «неприличные» стихи Пушкина, мне кажется, что это щербатые булыжники, увесистые булыжники, запущенные твердой рукой поэта прямо в жирную харю глупости, подлости, ханжества.

Я листаю пушкинские книги. Сколько осталось еще вещей, о которых не сказано, а сказать следовало бы. Сколько блестящих эпиграмм! А «Онегин»! Ведь там почти в каждой главе образцы сатиры. А публицистика! А дневник, которого я только слегка коснулся. А проза! А драматургия! А всем известные сказки! Вспомните хотя бы старика, старуху и золотую рыбку. Ведь это же замечательная сатира, которая и сегодня бьет в некоторых чересчур разворотистых старух и чересчур податливых стариков. Доит, доит такой старик под нажимом старухи, свою золотую рыбку — должность. А потом — фук! И нету ничего, кроме жесткой скамейки для старика и разбитого корыта для старухи.

Да, много интересного осталось за пределами этой статьи. Но Козьма Прутков не зря предупреждал: нельзя объять необъятного.

Говорят, что великие писатели понятны и близки каждому. Наверное, тут дело не в том, что каждое их произведение необходимо каждому читателю. Это, пожалуй, невозможно. А вернее всего сказать так: каждый читатель может найти в творчестве великого писателя что-то наиболее близкое ему.

ВАДИМ БЕЛОУСОВ.